

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.14>

Протасова Ольга Львовна

КОММУНИКАЦИОННАЯ ПРАКТИКА НАРОДНИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НАЧАЛА XX В.

Рассматриваются основные коммуникационные средства, применявшиеся партиями социалистов-революционеров и народных социалистов для воздействия на целевую группу - трудящееся население России - в начале XX века. Показано, что обе партии не только придавали большое значение популяризации своих программных взглядов, но и внимательно подходили к проблеме выбора языка и стиля общения с народом, активно работали с крестьянскими общественными организациями, старались следовать моральным принципам в политике, что позволило народническим партиям завоевать доверие масс.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/10/14.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 10. С. 79-84. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

**DEVELOPMENT OF THE STATE'S PUBLIC EDUCATION SYSTEM
IN THE CRIMEAN DISTRICTS OF THE TAURIDA GOVERNORATE
IN THE SECOND HALF OF THE 1860S – AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

Novikova Elena Viktorovna, Ph. D. in History
Sevastopol Institute of Economics and the Humanities (Branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University
novikovaolena@mail.ru

The article is devoted to studying the process of developing the state's public education system in the Crimean districts of the Taurida Governorate in the 1860s – at the beginning of the XX century. A comprehensive analysis of published and archival sources allows the author to identify the basic types of state educational institutions in Crimea, to reveal the factors that influenced their development, to trace the dynamics of growth. Special attention is paid to studying the formation of the women's education system. The paper considers the peculiarities of forming the Crimean educational system in comparison with the northern districts of the Taurida Governorate.

Key words and phrases: Taurida Governorate; Crimea; public education; elementary schools; gymnasiums; non-classical secondary schools; women's education.

УДК 94(47).08

Дата поступления рукописи: 17.08.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.14>

Рассматриваются основные коммуникационные средства, применявшиеся партиями социалистов-революционеров и народных социалистов для воздействия на целевую группу – трудящееся население России – в начале XX века. Показано, что обе партии не только придавали большое значение популяризации своих программных взглядов, но и внимательно подходили к проблеме выбора языка и стиля общения с народом, активно работали с крестьянскими общественными организациями, старались следовать моральным принципам в политике, что позволило народническим партиям завоевать доверие масс.

Ключевые слова и фразы: партия социалистов-революционеров; народно-социалистическая партия; народничество; коммуникация; политика; крестьянство.

Протасова Ольга Львовна, к.и.н., доцент
Тамбовский государственный технический университет
olia.protasowa2011@yandex.ru

КОММУНИКАЦИОННАЯ ПРАКТИКА НАРОДНИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НАЧАЛА XX В.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-09-00059А.

Актуальность проблемы исследования обусловлена как преемственностью исторического опыта, устойчивостью культурно-политических традиций, так и неуклонно растущей в современном обществе ценностью демократических институтов, потребностями адекватной им политической культуры. Партийная система, принципы и характер взаимодействия политических партий с целевой аудиторией – ключевые характеристики политической культуры государства. Конечно, в начале XX века (период, о котором идет речь в данной работе) в России никому в голову не приходило, что техника целенаправленного воздействия на заинтересованные, а, точнее на интересующие ту или иную партию, организацию общественные группы вскоре оформится в настоящую самостоятельную науку, с собственными целеполаганием, задачами, методическим инструментарием. Сегодня абсолютно все политические организации/партии выстраивают свои отношения с реальными и потенциальными последователями, следуя этой науке, называемой Public Relations, или Связи с общественностью. Главная задача данного вида деятельности – формирование нужного вектора общественного мнения у целевой аудитории, расширение заинтересованного социального сегмента с целью оказания влияния на него. Связи с общественностью практикуются в самых разных направлениях: коммерции и некоммерческом социальном секторе, культуре, спорте и пр., но политика – одна из самых востребованных и перспективных сфер, дающая простор развитию научных и творческих PR-технологий и ведущая к конкретным практическим результатам – завоеванию популярности и власти.

Цель данной статьи – выявление наиболее ярких сторон коммуникационной работы с населением российских неонароднических партий в стартовый период их деятельности. **Научная новизна** заключается в выделении как особой проблемы исследования коммуникационных технологий, выбираемых и применяемых (пусть нередко неосознанно, стихийно), а затем подвергаемых анализу и осмыслению деятелями российских партий демократического социализма.

В дореволюционной и революционной России работа партий с населением велась в основном как бы наощупь, подчиняясь инстинктивному чутью, подсказывавшему, какие методы и ходы «работают», а какие нет.

Но с самого начала XX века, особенно в периоды общественного подъема, эта работа была непрерывной, интенсивной и признавалась важнейшим компонентом партийной деятельности, источником популярности и, в конечном итоге, залогом будущего политического успеха. Как пример прообраза современных коммуникационных технологий в общественно-политической области можно рассмотреть деятельность неонароднических партий России начала XX века – социалистов-революционеров (активность с 1901-1902 гг., организационное оформление – конец 1905 г.) и народных социалистов (начало деятельности – 1905 г., зарегистрирована в 1906 г.). Обе они в качестве объекта своей политической заботы выделяли «трудовой народ» – «триединство рабочих, трудового крестьянства и трудовой интеллигенции». Учителя, приказчики, почтовые чиновники, домашняя прислуга и прочие категории трудящихся, непосредственно не производившие материальных ценностей, для социалистов-народников представляли собой достаточно перспективный «материал». В своей социальной ориентации народники были, безусловно, демократичнее марксистов, замыкавших свой революционный интерес на пролетариате и, таким образом, намеренно отторгавших другие потенциально прогрессивные силы, в том числе трудовое крестьянство. Однако при этом ошибочно думать, что народники «нового призыва» считали крестьянство главным носителем социалистических начал и потенциальным лидером революционного движения. Инициатором, ведущим отрядом революции они признавали пролетариат, отводили ему главную роль в социально-прогрессивных завоеваниях и призывали крестьян брать пример с рабочих, учиться у него вести дружную и упорную борьбу [5, с. 156]. При этом крестьянство они отказывались квалифицировать как «мелкобуржуазный» класс [Там же]. На наш взгляд, для иллюстрации широкой коммуникационной деятельности путем не только «классических» для российских партий имперского периода пропаганды и агитации, но и посредством повседневного, неформального человеческого общения, просвещения, взаимно уважительного сотрудничества с «целевой аудиторией» – трудовым народом, лучше всего подходят именно народнические политические силы. В результате таких трудов партия социалистов-революционеров стала массовой, весной-летом 1917 года установив своеобразный рекорд численности – около 300 тысяч членов. Народно-социалистическая (с июня 1917 г. – Трудовая народно-социалистическая) партия массовой не стала, она никогда не ставила себе специальной задачи расширения, однако ее взаимодействие с трудовой общественностью было весьма эффективно, а авторитет среди крестьянских организаций – очень высок. Это признавали ближайшие «соседи» партии по политическому лагерю и конкуренты по влиянию на целевую группу – эсеры. Рассматриваемые нами неонароднические партии внесли неоценимый вклад в дело развития политической культуры российского общества на микро- и макроуровнях, сталкиваясь при этом с колоссальными трудностями, действуя в условиях народной инертности и косности, крайне низкого уровня общей культуры масс, но не изменяя при этом своей ориентации на нравственные принципы в политике и идеалы демократического социализма [9, с. 19].

Выбор пути идейного воздействия на «трудовой народ». По мнению теоретиков эсеров, для настоящей «смычки», единения с народом необходима этическая доктрина, понятная народу и актуальная для него. Изначально было ясно, что поиск такой доктрины – дело весьма нелегкое, так как в сознании российских масс издавна хаотически переплетались идеи религиозного смирения и вполне светского бунтарства, вольницы; установки коллективизма, общинности, и в то же время индивидуалистические, собственнические инстинкты и т.п. Следовало предложить такую идеологию, которая, не являясь примитивной, однако, была бы проста и в своей простоте мудра, поскольку содержала бы как общечеловеческие истины и ценности, так и апелляцию к конкретным русским запросам, чувствам и интересам. На это указывал В. М. Чернов, подчеркивая, что пока данная задача не выполнена, во многих отношениях любая партия самых искренних защитников народа будет простому человеку «более далека, чем представители так называемых религиозных исканий из современной интеллигенции» [14, с. 66]. Сложность этой задачи усугублялась тем, что любая социалистическая партия в России являлась организацией исключительно рационалистической и светской, и найти общий язык с народом, для которого откровенное безбожие являлось делом неслыханным, суметь воздействовать не только на его сердца, но и на умы, становилось проблемой тонкой и деликатной. Рационализм не был свойственен российскому простонародью (да и, как показывала популярность религиозной философии среди образованных людей империи, не только ему), поэтому обращение к разуму народа требовало особенно продуманной программной концепции. «Для нас нередко оказывается гораздо легче поднять православное население, по лени и косности продолжающее принадлежать к лону церкви и не мудрствовать лукаво о душе, смысле жизни, призвании человеческом... базируя на земельной нужде, тягости податей, произволе администрации» [Там же, с. 68], – признавались эсеры, понимая, что эта агитация имеет внешний и временный успех, не задевая глубин массовой психологии и не обновляя мирозерцания русского человека. Недостаток у социализма именно морально-этической платформы, своей и только своей, а не заимствованной эклектично из разных доктрин, по мнению многих его теоретиков, мешал продвижению этой идеологии в широкие массы. Созданная Марксом экономическая база социализма позволила завоевать множество поклонников, но моральное сознание большинства социалистов не имело столь же твердой, «материнской» основы, и последние искренне считали, что «социализм упраздняет этику, делает ее ненужной, что он по своей природе внеэтичен» [Там же, с. 74]. Не только циники большевики, но и правые марксисты – меньшевики, вполне демократичные по взглядам и в основном нравственные по натуре, словно стеснялись затрагивать тему морали и этики и обращаться к общечеловеческой тематике, чтобы не показаться сентиментальными, мягкими, «несовременными». Между тем характер общественной борьбы в России был таков,

что нравственная притягательность движения придавала ему огромную силу. Несмотря на революционный пыл, эсеры, как и более умеренные в средствах политической борьбы народные социалисты, постоянно обращались к теме личности, человека, морали – универсальных ценностей, которые имеют непреходящее значение для любого демократа. Для народников личность была важнейшей социальной «субстанцией», первоосновой для построения высокоразвитого, справедливого социалистического общества.

Эсеры сознавали, что социалисты начала XX в. наследуют от своих героических предшественников-народников ореол подвижничества и мученичества, который мог, как магнит, притянуть отважных, «апостольски настроенных пионеров, нравственных ригористов и аскетов, проникнутых психологией первых веков христианства, жадной самоотвержения» [Там же, с. 75]. В начале XX века социализм стараниями как марксистов, так и последователей народничества стал силой и одновременно модой. Чтобы обезопасить социалистическое движение от случайных или даже вредных для дела людей, подвижных настроениями, далекими от насущных целей и задач социализма, твердые его приверженцы полагали необходимым сконструировать и озвучить нравственный идеал, который должен привлекать в ряды революционеров самых сознательных, убежденных и верных, в результате чего «моральный остов идеала должен обрасти плотью и кровью, превратиться в общественно-политический идеал», который «станет содержанием практической воли» его носителей [Там же, с. 80]. Социализм представлялся им «величайшей нравственной силой современного общества», а борьба за его идеалы – держащейся «целиком на самоотвержении, на способности единичных личностей отдавать свою жизнь, свободу за счастье своей родины» [12, с. 17].

Для деятелей демократического социализма было очевидным то, что «совместное созидание, хранение и приумножение суммы многообразных культурно-исторических ценностей приводит к развитию межчеловеческой солидарности» [3, д. 17, л. 177]. Постепенно каждый человек, по мнению В. М. Чернова, становится все более чутким, «способным переживать тревоги, волнения, радости и страдания ближнего как свои собственные» [Цит. по: Там же], и такой опыт, эмоционально обогащая человека, в свою очередь, становится источником морали. Так, по мере развития человеческой эмпатии происходит вытеснение «зоологических» инстинктов самосохранения эгоистическими, социальными. Чем выше система нравственных, тем она универсальнее, так как стремится охватить моральной связью все человечество и даже требует гуманности к остальной живой природе [Там же, л. 179]. Следовательно, нравственное развитие народа должно идти вместе с развитием его гражданского самосознания, а скорее – даже предварять его.

Довольно быстро у эсеров сложился *имидж* чистых духом людей, подвижников, отважных борцов за дело революции и свободы. И хотя можно усомниться в соблюдении партией принципов этики в политике, имея в виду террор, применявшийся эсерами довольно широко в 1900-е годы, как ни странно, в целом террор не опровергает, так сказать, «моральной чистоты» революционных радикалов-народников. Для них это была не та целесообразность, что оправдывает средства и не принимает в расчет невинных жертв, а крайняя мера борьбы, по понятиям эсеров, с «абсолютным злом» – произволом самодержавия, его бесчеловечной жестокостью, против которого все прочие испробованные «гуманные» средства оказались недейственны. Очевидно, это понимали сторонники партии и оправдывали своих политических кумиров; опять же известно, что в характере русского человека заложена «слабость» к крайностям.

Имидж партии народных социалистов был иным: в отличие от «пестрых» в возрастном и социальном смыслах эсеров, энесы воспринимались как чисто интеллигентская организация взрослых (средний возраст членов этой партии был на 5-7 лет выше, чем у эсеров [9, с. 30]) людей, умеренных в своих политических желаниях. В 1905 году у российских народников была реальная возможность создать единую партию, но она не осуществилась. Правые народники – будущие энесы – еще на учредительном съезде ПСР (декабрь 1905 г. – январь 1906 г.) заявили о том, что не приемлют радикализма в идейных требованиях и средствах борьбы и будут действовать на политической арене только легально, открыто. Эта позиция постоянно подвергалась критике и насмешкам со стороны левых партий: мол, энесы – ни то, ни сё, нечто среднее между эсерами и кадетами, по своим «нерешительным» методам похожи на меньшевиков и т.п. Однако народно-социалистическая партия твердо отстаивала свои позиции и в результате заняла свою нишу в политическом пространстве России, а те, кто стал ее последователями, отнюдь не считали сдержанность и эволюционизм пороками в партийных тактике и программе. Что же касается пропагандистских материалов, публицистики, выходявших из-под пера народных социалистов, то содержавшаяся там критика государственных порядков, строя и власти была не менее острой, чем у эсеров.

Выбор языка и стиля общения с народом. Многие народнические лидеры начинали свою общественную деятельность в провинции, в деревне, в качестве земских служащих. В отличие от, скажем, кадетов и социал-демократов, они отлично знали быт, нужды и заботы крестьян и умели говорить на понятном им языке. Все это, учтенное уже в партийной практике общения с «простыми» массами, помогло неонародникам завоевать доверие последних. На первых порах пропагандистская и просветительская литература «для народа» была выдержана в мягко-поучительном тоне, но в то же время ее авторы старались исподволь внушить мужику мысль о расширении круга жизненных интересов, помимо семьи, хозяйства и урожая, и о связанных с этим потенциальных возможностях.

Иллюстрацией успехов, которыми не без оснований могли гордиться социалисты-революционеры, начавшие фактически «с нуля» работать в крестьянских массах, может послужить материал, опубликованный в 1903 г. в «Революционной России». Эсеры к этому времени вели организационно-пропагандистскую

работу с распространением партийной литературы среди крестьян уже третий год и были весьма довольны результатами, важнейшими из которых считали следующее:

- 1) неизвестны случаи выдачи крестьянами своих учителей-пропагандистов;
- 2) признание крестьянами эсеровской литературы как выражающей их проблемы, их чаяния;
- 3) крестьяне сами начали распространять нелегальную литературу» [11] и т.п.

До нашего времени дошел примечательный документ, датированный 1905 годом. Это своеобразная эсеровская инструкция по организации системы «гражданского воспитания» в сельских местностях. Видно, что она составлялась энтузиастами из глубинки, а отнюдь не партийной элитой, но в этом ее ценность – она иллюстративна, отражает «душу» последователей эсеровской идеи из самой народной гуши. Памятка предписывала устройство в каждой губернии групп разъездных агитаторов (стиль документа сохранен): «а) из лиц: в губернских городах – интеллигенция и рабочие, б) из студентов в университетских городах, в) из интеллигентных лиц уездных городов и в селах; г) снаряжать самих крестьян. Пользоваться связями: как собственными, так и через посредство: экономических, земских советов, сельскохозяйственных обществ, кооперации и т.п., учительских обществ, земских агентов, легальных крестьянских союзов. Деятельность надо начинать с наиболее подготовленных и наиболее обездоленных селений и расширять свою область, двигаясь вдоль железных дорог» [2, д. 4, л. 34]. План агитации был такой: следовало начинать речь с описания обстановки в городах и селах, известить о крушении самодержавия (речь шла о Манифесте 17 октября), объяснить, что помещики и капиталисты борются за сохранение своей власти. Далее полагалось вкратце и понятно даже для самых малограмотных охарактеризовать задачи ведущих политических партий. После этого нужно было перейти к вопросу о необходимости солидаризоваться рабочим и крестьянам, действовать сообща и дружно, ориентируясь на конечную общность их интересов. «Не далее весны 1906 года захватить землю. Захватив землю, необходимо закрепить ее за трудящимся народом путем государственного закона. Необходимость для этого всенародного представительства. Негодность объявленной (т.н. Булыгинской. – *О. П.*) Думы. Требование Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Необходимость осуществления самим народом самоуправления на всех ступенях общественной жизни сверху до низу, начиная от замены сельских назначенных властей своими выборными и кончая верховным государственным управлением» [Там же], – призывал разъяснять документ. Содержалась в нем и пошаговая рекомендация плана действий, советовавшая начинать с образования крестьянских союзов в отдельных селах, по возможности «из всех крестьян за исключением кулаков и мироедов и других врагов трудового народа», а затем присоединяться к ПСР. Затем следовало «преобразовать сельский сход на основе всеобщего голосования всех взрослых с 20 лет без различия пола, народности и веры», сменить старост, старейшин, писарей, урядников – все начальство – и «на их место выбрать честных и смелых людей, которые могут руководить и крестьянами в предпринимаемой ими великой борьбе... Не признавать никакого начальства, кроме своего выборного: ни полиции, ни земских начальников. Судиться только у своих судей, которых и выбрать. Податей не платить. Земли не снимать и не покупать. Аренды не платить» [Там же]. Из местного населения следовало выбирать надежных (наиболее грамотных и авторитетных в своем кругу) людей в помощь агитаторам, чтобы проще было «договариваться» на понятном простонародью языке, в привычном стиле, с учетом особенностей диалектов и местной идиоматики. Таких помощников планировалось использовать прежде всего для агитации вступать в крестьянский союз и партию социалистов-революционеров. Заканчивался документ неожиданно воинственно: «Собирать деньги, тайно образовывать боевые дружины. Средства для этого добывать путем захвата винных лавок и других казенных учреждений. Когда стовориться большая округа, образовать окружной комитет. Собрать сведения о землях, подлежащих отобранию, о наделенности крестьян отдельных селений, выработать план временного распределения отобранных земель... Снести с другими местностями и городскими рабочими и приводить этот план в исполнение, выгоняя помещиков и других владельцев, объявляя землю собственностью всего народа, производя временный раздел» [Там же]. Видно, что волна революционных настроений захватила народников-разночинцев, и в партии эсеров, которая всегда отличалась пестротой в отношении тактики действий и на тот момент даже еще не провела учредительного съезда, нередко, особенно в ее «низах», встречались поборники крайностей. На наш взгляд, в данной инструкции явственно отражена двойственность российского менталитета: в ней есть и спокойное, рассудительное внушение необходимости солидарности трудового народа и развития его инициатив, и в то же время – отголосок хищнических настроений малокультурных масс.

Стихотворная форма, по-видимому, считалась народниками удачной находкой для внушения крестьянам социально полезных истин. В рукописной и печатной формах распространялись плоды творческого вдохновения агитаторов («Крестьянская Марсельеза» и пр.) о порочности имперской государственной системы, несовершенстве крестьянской реформы 1861 года, злоупотреблениях властей, о необходимости сопротивляться, бороться с этими явлениями самым активным и решительным образом [1, д. 1, л. 56-57].

С развитием в России партийной конкуренции и ростом активизма все более широких слоев населения стала несколько видоизменяться и риторика народничества. Набирало популярность воздействие более интеллектуального характера – через газетную и журнальную публицистику, рассчитанную на грамотного и уже вполне политически сознательного читателя. Помимо вышеописанных самостоятельных листовок и брошюр, печатались специальными изданиями адаптированные для рабочих и крестьян идеологические обоснования программ партий, подготовленные их лидерами (у эсеров главным идеологом был В. М. Чернов, у народных социалистов – А. В. Пешехонов и В. А. Мякотин). Они растолковывали смысл основных

партийных требований, внушали необходимость включения каждого человека в общественную жизнь, объясняли базовые принципы построения социализма – общей цели обеих народнических партий [8; 10; 12-14]. Более взыскательная в интеллектуальном смысле аудитория имела возможность постоянно читать публикации на злободневные и более общие, философские темы тех же и многих других авторов в популярных изданиях: беспартийном народническом толстом журнале «Русское богатство», эсеровских газетах «Революционная Россия» и «Сын Отечества», энесовской газете «Народный социалист» и многих других.

Можно привести примеры и «вирусной» антирекламы политических конкурентов, часто в стихотворной форме. Зная за марксистами (особенно левыми) любовь к запрещенным приемам в области политической дискуссии, эсеры и сами были иной раз не прочь с юмором «пройтись» по слабым, с их точки зрения, сторонам позиций социал-демократов. Так, насмешкам подвергались непролетарское происхождение марксистских лидеров («буржуазную плоть в пролетарский халат облакает с суровой миной» [1, д. 2, л. 39]), их откровенное недоброжелательство к эсерам («чтоб эсеры не знали побед, чтоб эсеров разрушились козни» [Там же]), желание марксистов довести до крайности социальные антагонизмы якобы для ускорения прихода революции («чтобы даже младенцы смотрели на свет с точки зрения классово розни» [Там же]) и т.п.

Работа с общественными организациями. Для расширения влияния в обществе обеим партиям нужны были связи, контакты, структуры, поддержка снизу. Самым перспективным «полем» для завоевания симпатий крестьянства все народнические течения справедливо сочли крестьянских депутатов Первой Государственной Думы и Всероссийского Крестьянского союза. У правых народников здесь были известные преимущества перед эсерами. Их контакт с депутатами-крестьянами, особенно с членами Всероссийского Крестьянского союза, упрощался тем, что аграрная программа Союза была почти идентична народнической, и некоторые будущие энесы даже представляли его руководящие органы. Так, А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин, В. Г. Богораз-Тан, В. И. Чарнолуцкий входили в состав Северного бюро содействия союзу [4, с. 95], участвовали в работе съезда Крестьянского союза северных областей. Лидеры Союза стремились сохранить массовый, внепартийный характер организации, однако левые партии старались использовать Всероссийский Крестьянский союз для пропаганды своих взглядов в крестьянской среде. В руководстве Союза шла острая борьба между сторонниками сближения и даже слияния с партией эсеров и теми, кто отстаивал внепартийность Крестьянского союза или стремился к сближению с трудовиками. В ноябре 1905 г. начались массовые аресты агитаторов и членов Союза. Процесс по делу о Всероссийском Крестьянском союзе в начале марта 1906 г. стал крупным событием, и активисты, участвовавшие в нем в качестве обвиняемых, признавались, что лишение свободы на тот момент было «особенно тяжело переносить» [6, д. 65, л. 53], так как с ожидавшимся открытием Думы связывались немалые надежды.

При активном содействии представителей демократической интеллигенции большинство крестьян-перводумцев объединилось во фракцию, названную Трудовой группой. Работа с Трудовой группой – своего рода конкурентная борьба между левыми и правыми неонародниками – эсерами и народными социалистами – за целевую аудиторию, крестьянских депутатов, через которых предполагалось распространить влияние и на более широкие крестьянские массы. В Первой Думе будущие энесы одержали несомненную победу над эсерами, и свой дебют они могли считать как нельзя более удачным. Крестьяне, не откликнувшись на эсеровский лозунг социализации земли, приняли пункт о ее национализации, базовый в народно-социалистической теории, разработанной А. В. Пешехоновым. Правда, о победе можно говорить только с учетом конкретной ситуации: в Думе заседали представители наиболее хозяйственной, зажиточной части крестьянства, не желавшие насильственных способов решения земельного вопроса, которые угрожали бы их благосостоянию; таким образом, энесы учли собственническую натуру крестьянства. Социальная опора эсеров, хотя была заметно шире и захватывала низы деревни, не была представлена в Думе. Следует отметить, что в июне 1917 г., после десятилетней подготовки и к радости единомышленников, народные социалисты и трудовики объединились в Трудовую народно-социалистическую партию, что значительно укрепило их политические позиции на тот момент.

В межреволюционный период (1907-1916) у российских социалистических партий не было возможностей осуществлять столь же активную коммуникационную деятельность непосредственно с массами, как ранее, и основным их инструментом по поддержанию контактов со сторонниками, а также площадкой для развития и популяризации идей стала публицистика. Эсеровский актив был сосредоточен в эмиграции, где устанавливал связи с международным социалистическим движением; народные социалисты оставались в России, и их партийная деятельность на время замерла. Все изменила Февральская революция, которая дала шанс обеим партиям реализовать ряд своих программных замыслов на практике, чем и постарались воспользоваться как эсеры, так и народные социалисты. Представители и тех, и других входили в Советы, во Временное правительство, участвовали в Государственном и Демократическом совещаниях, Предпарламенте и других учреждениях и форумах революционной поры, вели активную предвыборную кампанию во Всероссийское Учредительное собрание. Как эсеры, так и народные социалисты резко критиковали неразборчивых в выборе коммуникационных средств большевиков, посредством демагогии апеллировавших, по мнению народников, к самым низменным сторонам человеческой психики и откровенно презиравших всяческую мораль. Таким образом, коммуникационная практика народнических партий, достаточно богатая и эффективная (особенно у эсеров), в конечном итоге не стала основанием для удержания ими политической власти. По оценкам самих лидеров российских партий демократического социализма, им не хватило «воли к власти», которая в избытке оказалась у большевиков [7, с. 327-328].

Список источников

1. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-214. Оп. 1.
2. ГАВО. Ф. И-312. Оп. 1.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5847. Оп. 1.
4. Ерофеев Н. Д. Народные социалисты в первой русской революции. М.: МГУ, 1979. 192 с.
5. Леонов М. И. Народничество в партийных и общественных отношениях рубежа XIX-XX вв. // Народники в истории России: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Г. Н. Мокшин и др. Воронеж: Истоки, 2019. Вып. 3. С. 146-161.
6. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 225. Картон 1.
7. Пешехонов А. В. Провалилось ли народовластие? // Русское богатство. 1918. № 1-3. С. 303-330.
8. Пешехонов А. В. Хлеб, свет и свобода. СПб.: Типография Н. Н. Клобукова, 1906. 79 с.
9. Протасова О. Л. Деятели российского демократического социализма первой четверти XX века на родине и в эмиграции: монография. Рига: LAP, 2019. 252 с.
10. Революционная Россия. 1902. № 7.
11. Революционная Россия. 1903. № 31.
12. Чернов В. М. Конечный идеал социализма и повседневная борьба. Ревель: Издание Ревельского комитета ПСР, 1917. 32 с.
13. Чернов В. М. Пролетариат и трудовое крестьянство. М.: Новое товарищество, 1906. 95 с.
14. Чернов В. М. Этика и политика. СПб., 1911. 86 с.

COMMUNICATIVE PRACTICES OF NARODNIK PARTIES AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Protasova OI'ga L'vovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Tambov State Technical University
olia.protasowa2011@yandex.ru

The article examines the basic communicative means used by the Socialist Revolutionary Party and the Popular Socialist Party to influence a target social group – the Russian working class – at the beginning of the XX century. It is shown that both the parties paid special attention to popularizing their ideological views carefully choosing vocabulary and style when communicating with common people. They cooperated actively with peasant organizations, tried to follow ethical principles in politics, which allowed them to earn public confidence.

Key words and phrases: Socialist Revolutionary Party; Popular Socialist Party; Narodnik movement; communication; politics; peasantry.

УДК 93/94(571.6)+378.4+811.581

Дата поступления рукописи: 21.07.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.15>

Статья посвящена важной странице в истории вузовского китаеведения на Дальнем Востоке России, отмечающего в 2019 г. свое 120-летие. На основе использования разнообразных исторических источников автор анализирует основные группы преподавателей-китаистов в ДВГУ 1960-1970-х гг.; подчеркивает преемственность поколений преподавателей, помощь Ленинградского (Санкт-Петербургского) университета в пополнении кадрового состава ДВГУ молодыми специалистами в области китаеведения. Впервые в дальневосточной историографии автор обращается к группе преподавателей – носителей китайского языка, указывает их значительную роль в оптимизации учебного процесса в Дальневосточном университете.

Ключевые слова и фразы: история китаеведения; преподавание китайского языка; преподаватели-китаисты; Дальневосточный университет; Дальний Восток России; Владивосток.

Се Фэнлин

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток
fenlin.se@mail.ru

ПРЕПОДАВАТЕЛИ-КИТАИСТЫ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО УНИВЕРСИТЕТА: 1960-1970-Е ГГ.

Сегодня тема вузовского китаеведения на российском Дальнем Востоке приобретает особую **актуальность** в связи с исполняющимся 120-летием создания Восточного института во Владивостоке. История китаеведения здесь пережила два главных этапа: с 1899 г. до 1939 г., до закрытия Дальневосточного университета, и с 1962 г., когда в воссозданном вузе вновь открыли подготовку китаеведов, до настоящего времени. На данный момент вузовское китаеведение в регионе развивается в Хабаровске, Южно-Сахалинске, Магадане, Благовещенске, Владивостоке и в других городах. И на том, и на другом этапе ключевую роль в постановке китаеведения играл профессорско-преподавательский состав, в том числе носители китайского языка. В этой связи сохранение истории вузовского китаеведения важно как для российской, так и для китайской стороны. Это тем более значимо в условиях активного сотрудничества Российской Федерации и Китайской Народной Республики, российских и китайских вузов.